

Михаил Хейфец

**Еще одна – возможно, бессмысленная – попытка
понять Россию умом.**

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить.
У ней особенная статья:
В Россию можно только верить.

Бесконечно цитируют эти строки Тютчева! Однако «особую статью» таит не только русский, но любой народ на Земле. Вот немцы. В XIX веке французская писательница м-м де Сталь долго жила в Германии (завела себе любовника-немца), много контактировала с местным обществом. И писала в дневнике, что немцы кажутся прекрасным народом - умным, трудолюбивым, аккуратным, культурным, только вот беда - совершенно лишены военных талантов! Загадка, неправда ли?

Вспомните про мой народ, про евреев. Почти все в XIX веке считали, что они - люди даровитые, сверхживучие, самоуверенные, но воевать, обрабатывать землю, любить отечество («патриа») не могут, вести политико-государственные дела – тем паче. Такими уродились! И каким сюрпризом обернулись для мира, перебравшись в Израиль... Так что тютчевская загадочность – вполне в русле прочих национальных «статей» и загадок. Русские, действительно, видятся народом абсолютно непредсказуемым (впрочем, таково качество любой личности на свете – непредсказуемость!). Тем не менее, меня продолжает волновать их «загадка»: в чем конкретно выразилась и чем вызвана сия русская «особенная статья»?

Вот сегодняшний образчик непредсказуемой русской «странности». После социалистического переворота 1917 года русских как нацию лишили огромной доли накопленного культурного наследия, жутко истреблялась вера и церковь (только в 1922 году по инициативе «гуманиста» Ленина убиты 2691 священник, 1962 монаха и 3447 монахинь – в совокупности за один год больше восьми тысяч членов православного клира!). При нем, а потом при Сталине русский народ потерял самых культурных и трудолюбивых сыновей и дочерей, погибли лучшие люди в народе, не от рук врагов или земных стихий - от пуль и репрессий земляков... И вот нация, уже про злодеяния именно над ней всё зная («Архипелаг «Гулаг» напечатали в России тиражом в полтора миллиона экземпляров!), отдает треть голосов на любых свободных выборах наследникам и защитникам советского режима. (По данным ВЦИОМа, в 2002 году 4% российских граждан вспоминали имя «Сталин» с восхищением, еще 27 процентов «с уважением» и еще 7 процентов «с симпатией». Итого 38%. Самым выдающимся политиком России XX века назвали Сталина 19 процентов опрошенных, еще 17% отдали симпатии его коллеге Ленину).

Ни у поляков, ни у чехов, ни у венгров, ни у прибалтов, побывавших в похожей ситуации, не возникло ничего похожего на «русский менталитет» (попробуйте представить чеха, считающего Готвальда самым выдающимся политиком своей

страны?)! Значит, властвует над русской социальной психологией особенная, не такая, как у соседей, «статье»! Какая?

...Пытаясь найти опору, которая поможет анализировать «русскую загадку», я наткнулся на книгу абсолютно неизвестного ранее автора – Олега Арина. Называется «Мир без России», издана в Москве издательством «Эксмо» в 2002 году. Почему я выбрал эту книгу и этого автора?

...Не знаю, настоящая ли фамилия – Арин (на стр. 25-й упомянута его прежняя книга «Внешняя политика Японии в 70-начале 80-х гг.», но на обложке того сочинения автор обозначен как «Р. Ш.-А. Алиев»). Из текста «Мира без России» явствует, что по профессии автор – политолог, специалист по Азиатско-Тихоокеанскому региону. С 1976 года обслуживал профессиональными рекомендациями правительственные структуры СССР. Человек огромного трудолюбия, фантастической эрудиции, «в курсе» главных мировых и отечественных наработок по исследуемым темам, обладает умом, интеллектуальной смелостью, не страдает чиновничьим – перед начальством, «мировыми авторитетами», собственными единомышленниками («выход моей работы должен вызвать возмущение... и, наверняка, обвинение в антироссийстве», стр. 12). Вдобавок видится, что Арин – человек благородного нрава. Его сын, бизнесмен, враждебный целям «русского коммунизма», коим привержен автор «Мира без России», «проявил жертвенность» (так саркастически выразился в адрес своего спонсора идейно непримиримый отец) и дал деньги на издание «Мира без России», что характеризует сына, но и отца тоже – обоих весьма положительно!

Подобный оппонент заслужил серьезного отношения к его логике, к аргументам по сути разбираемых им проблем.

Как смотрится Россия в настоящем и прошлом – глазами политолога Олега Арина

Начинается текст с упоминания про «специфику российского устроения, отвергающего рациональность и демонстрирующего иррациональность, с помощью которой, как сами себя убеждают, «глубже» схватывают суть явлений» (стр. 15). Арин, по его словам, предпочитает противоположный, рациональный подход.

Далее идет характеристика реальной жизни России. Упомянута «политическая дремучесть нашего непотопляемого народа» (стр. 229); с одобрением цитируется («несмотря на ее женское происхождение») Кондолиза Райс, назвавшая экономику России «мутантом с остатками средневековья». Автор упрекнул высокопоставленную американку в том, что, при всем уме и проницательности, дама делает характерную ошибку: «Все руссологи и специалисты по России не понимают одной вещи. Россия никогда не «проглотит» капитализм западного образца, в России никогда не будет ни демократии, ни рынка, опять же в западном понимании этого слова. И вот этого «никогда» американские спецы *никогда* не поймут» (стр. 118).

Положение в российском хозяйстве – по Арину. В 1999 г., когда писался его текст, РФ по размерам экономического продукта занимала шестнадцатое место в мире, отставая от США примерно в 25 раз, от Японии в 12 с хвостиком, от Германии в 6 с лишним раз, от Италии в 3,5 раза, от Бразилии в 2, 2 раза, от Мексики в 1, 3 раза и т. д. (см. таблицы и расчеты на стр. 348). Даже если Россия удвоит нынешний ВВП, т. е. выполнит амбициозную задачу, поставленную ей президентом Путиным, итоговый продукт составит менее пятой части от нынешнего уровня экономики США (стр. 141. Штаты, заметим в скобках, тоже не стоят на месте – развиваются темпами, не шибко уступающими российским... По абсолютным цифрам разрыв между Америкой и Россией всё нарастает, а не сокращается!)

Какова современная российская военная мощь? В 1999 году «в сухопутных войсках имелось только восемь маневренных дивизий, способных выполнять свои задачи. 70-75% танков нуждаются в замене... Только 60% штурмовой авиации боеспособно» (стр. 37). Предполагается, что к 2005 году положение выправится, но, за исключением ядерного арсенала, армия будет пребывать в провальном по современным меркам состоянии.

В итоге Арин фиксирует «большую вероятность» американского прогноза, согласно которому «мощь России относительно других в регионе и соседних пространствах будет сокращаться, и у нее не хватит ресурсов навязывать свою волю. Советское экономическое наследство будет изматывать Россию. Кроме того, разрушенная физическая инфраструктура, пренебрежительное годами отношение к окружающей среде будут бить по населению. Все это происходит на фоне таких социальных издержек переходного периода, как алкоголизм, сердечные болезни, наркотики и ухудшающаяся система здравоохранения» (стр. 140).

Специфической особенностью видения, отличающей нашего автора от земляков-патриотов, следует назвать резко критический подход к дореволюционной России. Он не идеализирует, как принято у обычных патриотов, её прошлое до 1917 г.: «По совокупному объему промышленного производства Россия стояла тогда на пятом месте в мире после США, Германии, Великобритании и Франции. Но это пятое место не должно обольщать, поскольку отрыв от ведущих держав был весьма значительным... В 1913 году на Россию приходилось 4.4% мирового промышленного производства, в то время как на США 35.8% , Германия – 14.3, Великобритания – 14.1, Франция – 7%.... Доходы России на душу населения по сравнению с европейскими соперниками уменьшались, а не увеличивались. За 50 лет между 1860 и 1910 гг. Россия по этому жизненно важному измерению индустриального прогресса не смогла обойти даже Испанию и Италию – наименее развитые державы того времени» (стр. 407). Автор приводит (согласно энциклопедии Брокгауза и Эфрона) показатели развития начального образования в России: они составляли седьмую часть от аналогичного показателя Штатов! Грамотных людей в России насчитывали 30% от общей численности населения против 90% в тогдашней Европе (стр. 409). Арин признает, что «Россия действительно быстро развивалась. Но за счет кого и за счет чего? Напомню, если кто забыл или не знает. В начале царствования Николая II иностранцы контролировали 20-30% капитала в России, в 1913 г. – 60-70%, к середине 1917 г. – 90-95... Хотя

приводятся разные цифры, общая динамика очевидна: иностранцы прибирали в свои руки финансовую и промышленную сферу России. Российское правительство уже в то время село на иглу иностранных займов, особенно в 1906 и 1909 гг., - продолжает Арин, - и в результате на оплату процентов за 10 лет было выплачено 1,7 млрд рублей... Еще один результат: государственный долг России с 8.8 млрд. рублей в 1913 г. увеличился до 90 млрд в 1917. Другими словами, Россия увязла в долгу, как в шелках, перед Европой, а, с другой стороны, «пустив козла в огород», стала терять контроль над своей экономикой и внешней политикой» (стр. 273-274).

У людей, хоть несколько изучавших историю, возражения по тексту возникают сразу. Например, у Арина получается, что в результате Октябрьского переворота российская буржуазия почти ничего не потеряла! Подумаешь, 5-10 процентов от общероссийского капитала (да еще с огромным вычетом из этой суммы за счет потерь казны и уделов!)... Сомнительно, ох, – еще до проверки. И фантастический рост внешнего долга с 1913 по 1917 гг., отмеченный Ариным (почти в десять раз за пять лет!), объясняется, конечно, экстраординарными оборонными расходами (примерно такая же финансовая ситуация складывалась во всех воюющих странах, во Франции и Англии, например). Но военные долги страны-победительницы платили не сами: возврат оформили в виде контрибуции, наложенной на побежденные народы. Арин искусственно драматизировал российскую долговую ситуацию: рубль образца 1917 года весил не столько, а в несколько раз меньше, чем рубль 1913 года (из-за инфляции военных лет), потому реальные выплаты по долгам оказывались много меньше номинальных цифр. (Аналогичная ситуация возникла и в СССР после Второй мировой войны – примерно 10 миллиардов долларов по ленд-лизу зарубежные кредиторы просто списали Кремлю, а внутренние долги правительство погашало из расчета от 10% до 33% от взятых в долг сумм – без процентов). Кроме того, сомнительно выглядит утверждение, что царское правительство, «сидевшее на долговой игле», теряло контроль над своей внешней и внутренней политикой. Значительная доля инвестиций в Россию принадлежала именно германским кредиторам (берлинский банк Мендельсона считался основным зарубежным контрагентом министра финансов Коковцева), что не помешало Николаю II объявить войну Германии... Кстати, война возникла вопреки желанию другого крупнейшего кредитора: Франция была не подготовлена к внезапно разразившемуся конфликту (почитайте описание настроений французского общества у дю Гара в «Семье Тибо»).

Но в целом объективную картину Арин все же рисует верно. По данным, взятым из исследования другого автора (Л. Андреевой), к началу войны доля иностранцев в акционерном капитале России составляла 53% в горной и металлургической промышленности, 40% - в химической, 75 – в электротехнической, более 40% в банковском капитале! К слову, по тем же данным, промышленное соотношение в производстве России и Германии составляло не 1\4 (для России), как у Арина, а куда хуже для православной империи - 1\6!

В основу своей концепции О. Арин положил следующую аксиому: Россия, идущая по капиталистическому пути развития, обречена на вечное отставание. Ее современное печальное положение лишь дублирует добрую старую

отсталость, в которой империя Романовых, пронизанная буржуазными порядками, пребывала до 1917 года.

А вот и СССР – тоже в видении О. Арина

Зато советское прошлое выглядит у автора суперсблзнительным.

«Никто не отрицает колоссального скачка в развитии советской экономики в довоенные годы... Если взять 1913 год за 100 единиц, средний индекс роста общемирового промышленного производства вырос к 1936-38 гг. до 185 единиц. В то же время... этот индекс у Советского Союза – 774. Другими словами, СССР развивался самыми быстрыми темпами в мире.

...В 1926-29 гг. доля СССР в мировом промышленном производстве даже упала на 0.1% по сравнению с 1913 годом, но уже за последующие десять лет она скачкообразно возросла, в результате чего Российское государство впервые за свою тысячелетнюю историю заняло статус второй промышленной державы мира.

После Второй мировой войны экономический потенциал Советского Союза еще более возрос, придав этому статусу титул одной из сверхдержав мира... И хотя советский экономический потенциал почти в два раза уступал Америке, однако даже ученые США верили на основании статистических расчетов в неизбежность дальнейшего сокращения советского отставания. Так, известные футурологи США Г. Кан и А. Винер предсказывали, что... уже к 2000 году ВВП СССР и США почти уравниваются....

Общий вывод: за прошедшие сто лет место России и соответственно статус в мире скачкообразно менялись. До 1917 года она занимала 5 место со статусом региональной державы, с 1917 по 1985 годы 2-е место со статусом сверхдержавы. После 1991 года – резкое падение – 16 место со статусом государства, значимого только на географическом пространстве СНГ.

...Феномен этого явления заключается в том, что такой откат произошел не в результате войн или природных катастроф, а в мирное время из-за антисоциалистического переворота, осуществляемого псевдодемократами во главе с Горбачевым, а потом усугубленного Ельциным.

Совершенно очевидно, что такой статус неестественен для такой страны, как Россия, которая на протяжении веков являлась структурообразующим элементом каркаса международных отношений» (стр. 411-412, 426).

Временами чудится, что О. Арин – относительно молодой человек. Я-то как раз рос под аккомпанемент ритуальных заклинаний-сравнений СССР с Россией 1913 года и под таблицы непрерывно растущих год от года добыч угля, нефти, выплавки чугуна и стали. Признаю, что до отъезда из Союза (в 1980 г.) я сам верил, что мы действительно вторая экономическая держава в мире, как и в то, что «мировой каркас» вращается вокруг двух осей – США и СССР... Десятилетиями мой мозг пичкали расчетами и анализами «объективных» европо-американских ученых, предсказывавших, что скоро, совсем скоро

догоним-перегоним США, а заодно и построим материально-техническую базу коммунизма!

Но раз уж привел длинную цитату из О. Арина, позвольте угостить еще одной долгой цитатой – по-моему, она того стоит! – из сочинения самого, на мой взгляд, проницательно и глубокого советолога Запада, француза Безансона.

«Вот три распространенных (на Западе! – М.Х.) утверждения.

1. «СССР с его годовым производством 145 млн тонн стали является первой металлургической державой в мире».

Каждому известно, что СССР производит автомобилей не больше, чем Испания; что оснащение домашних хозяйств предметами обихода и приборами из стали не сравнимо с нашим; что общая длина его железных дорог не больше, чем в Индии; что сеть автодорог менее развита, чем во Франции; что производство танков, сколь бы супервелико оно ни было, не способно поглотить более 1-2-х миллионов тонн стали. Что может означать эта магическая цифра – 145 млн тонн стали в год, т. е. объединенная продукция Японии и ФРГ, которые производят вместе около 12 миллионов автомобилей в год и еще массу других вещей из стали? Следует, по видимому, предположить, что эти 145 млн тонн входят:

1. производство настоящей стали
2. производство низкокачественной стали
3. производство бракованной стали
4. производство стали, предназначенной для ржавения
5. производство псевдо-стали - и, наконец
6. псевдопроизводство стали...

Таким образом, утверждение «СССР является первой металлургической державой в мире» должно восприниматься в некотором не общепринятом смысле, поскольку нельзя сравнивать несравнимое: США и Япония (2-я и 3-я металлургические державы в мире) не производят пять последних категорий стали, которые СССР в таком изобилии выплавляет на своих гигантских металлургических комбинатах.

2) «Доход на душу населения и жизненный уровень в СССР позволяют причислить его к высокоразвитым странам, среди которых он занимает место чуть впереди (по другим источникам, чуть позади) Испании».

...Низкая плата за жилье и медицинские услуги... Но у западного жителя нет представления о коммунальных квартирах, об общежитиях, о людях, снимающих «угол», о домах, начинающих распадаться сразу после окончания строительства, о почти первобытном уровне медицины, о более чем скудном наборе лекарственных средств. Что касается содержимого продуктовой корзины советской домохозяйки, то испанка не даст и гроша за гнилые яблоки, мороженую картошку, сомнительной свежести мясо, чахлые овощи – всего этого просто не найдешь на рынках Мадрида. Да и на московских рынках все это так просто не найдешь – за этим приходится стоять в очереди... Если мы

подсчитаем, сколько часов работы необходимо в СССР для приобретения телевизора, ботинок или пылесоса, не стоит забывать и того, что такой телевизор у нас можно найти только на блошином рынке, ботинки не наденет и бедный марокканский эмигрант, а пылесос будет работать лишь в случае, если его пнуть, как следует, ногой. Если уж сравнивать СССР, то... с Индией, Бангладеш, Суданом, да и то... Советские технические советники из этих развивающихся стран никогда не возвращаются домой (где их ожидает, в общем-то, привилегированное положение) без багажа, составленного из корзин помидоров, вязанок шариковых ручек, банок ветчины и джинсов...

1. «СССР является второй экономической державой мира».

Это – аксиома из учебников географии и избитая истина в устах наших государственных руководителей... Но как вычислять покупательную способность, если большинство выпускаемых советской промышленностью изделий (кроме оружия) не могут найти покупателя на мировом рынке из-за их низкого качества (разве - по демпинговым ценам ниже себестоимости)? Как подсчитывать валовой национальной продукт, отталкиваясь от цены товаров без определенной рыночной стоимости? Те же экономисты, что твердят о второй экономической державе мира, сообщают нам же, что объем советской внешней торговли в денежном выражении не выше аналогичной цифры для Бельгии, хотя у него худшая, чем у нее структура (СССР продает сырье, золото, оружие, а покупает продукты с высокой добавленной в процессе производства стоимостью). В СССР уровень моторизации, сообщают они, более низок, чем в Бразилии; меньше телефонов (в абсолютных цифрах!), чем в Испании; практически отсутствуют компьютеры и ксероксы для нужд населения, нет чековых книжек, кредитные карточки вообще неизвестны населению. Всевозможные научно-технические разработки не привели к прорыву ни в одной важной области техники (за исключением военных приложений)... Вторая экономическая держава в мире? Вероятно, хотят сказать, что СССР первейшая военно-политическая держава, что в его недрах таятся все минеральные богатства Земли, что он обладает гигантской территорией, огромным населением, значительным объемом «производства» - но все это отнюдь не превращает его во вторую экономическую державу планеты» («Русское прошлое и советское настоящее», Лондон, ОРІ, стр. 270-274).

Хорошо компануются с анализом европейца очерковые «картинки» из мемуаров экс-советской гражданки Нинель Воронель - она была веселой выпускницей вуза и с юмором воспринимала советские реалии, а не со страдальческой гримасой, что, собственно, в ней и импонирует...

По окончании университета супруги Воронели попали в столицу автономной республики Мордовии – Саранск:

«Год шел 1955-й, друг детей товарищ Сталин умер совсем недавно, и еще очень немногие успели это осознать, тем более, что жизнь в стране продолжала катиться по рельсам, проложенным покойником хорошо и налаженно. На полках магазинов столичного города Саранска не было никаких продуктов, и каждое утро, задолго до рассвета, у дверей булочных собирались огромные очереди, дожидавшиеся открытия, чтобы с боем рвать друг у друга буханки

кислого черного хлеба, самой съедобной составляющей которого были непеченные комья скользкой картошки. Лица у людей были изможденные и озлобленные, глаза без блеска, кожа без румянца...

Каких только чудес я не насмотрелась в своих путешествиях по мордовской земле! Однажды мой очередной попутный шофер резко затормозил при виде суетливой толпы, нырявшей в довольно полноводную речку...

- Чего там у вас?

Пригляделись – мрачные мужики в ватниках и сапогах, матерясь, тащили из воды на берег громоздкие, поблескивающие на солнце хвостатые рулоны. «Эх-мать, - догадался шофер, - никак, лошади!» И помчался вниз, к речке. Я побежала за ним и с содроганием увидела у себя под ногами трупы шести лошадей с неправдоподобно вздутыми животами. Утром их выпустили из стойла в поле – в первый раз после холодной зимовки – и они рванули к речке, чтобы напиться. А, напившись, так отяжелели, что не в силах были обратно выбраться по причине голодного истощения.

- Так и утонули, бедняги! – философски заметил шофер, пускаясь в дальнейший путь. Мы переправились через речку... По едва пробившейся изумрудной зеленым травке сомнabuлически бродили странные, лилово-розовые существа, кое-где испещренные грязно-белыми и темно-серыми пятнами...

- Коровы! Не видишь, что ли? – рявкнул мне шофер.

- А почему розовые? Порода такая?

Шофер щедро сплюнул в окно:

- Какая на хрен порода! Шерсть у них с голодухи повывлезала. Голые они, вот и розовые! (Н. Воронель «Без прикрас», М., «Захаров», стр. 10-12).

(К слову, в Ленинграде, где я жил, не помню больших очередей за черным хлебом. Но за молоком очередь выстаивала час - от магазина на углу Гороховой и Гоголя и до Исаакиевской площади. Сам выстаивал не раз.)

Западные экономисты тогда-то и писали про СССР как про вторую экономическую державу мира и первую в Европе!

«К середине 1980 гг. Советский Союз занимал 2-е место в мире по ВВП и промышленному производству... по численности учащихся – 3 место, студентов – 2-е, по численности врачей на 10000 – 1 место. За годы советской власти продолжительность жизни удвоилась.... Советский Союз являл собой региональный полюс на евразийском географическом пространстве, опережая по ВВП идущую следом за ним ФРГ более чем в два раза» (О. Арин, стр. 414).

Как раз тогда в первой экономической державе Евразии периодически исчезали из продажи – вы помните? – мыло, пододеяльники, носки, туалетная бумага... Мясо в Питере «доставали» (обязательно с костями. Помните? «Мяса без костей

не бывает», объясняли продавцы привередливым покупателям). Колбаса считалась деликатесом («лучшая рыба – это колбаса», тоже все помните?). Личный автомобиль? Предмет роскоши. Пайковые привилегированные выдачи? Я не был допущен к сим благам, но имею в архиве отрывок из воспоминаний «допущенного», старшего научного сотрудника АН Узбекистана, доктора исторических наук Р. Рабича:

«Подавляющее большинство сотрудников Академии получали (за плату, конечно) небольшие наборы трижды в год – на Новый год, на Первое Мая и на 7-е ноября: обычно три-четыре банки консервов, брусочек сыра и килограмма два плохого мяса. Привилегированные получали наборы побольше... Время от времени работники Президиума Академии получали недурные мясные изделия и даже рафинированное подсолнечное масло. Впрочем, академики, член-коры и дирекция получали порцию мяса и другой дефицит еженедельно... А по праздникам в их наборах оказывались балыки, красная икра и марочный коньяк. Правда, изредка остатки такой роскоши поступали в общий распределитель: один раз я сам видел в продаже «Мартель», «Наполеон» и английский джин! Но это было, повторюсь, один раз за тридцать с лишним лет моей службы... Что касается ковров, мебели, путевок, уж тем более ордеров на квартиры и право на покупку автомобилей, они всегда распределялись между начальством и «блатными».

Напоминаю: это писалось про страну, занимавшую тогда, по Арину, «второе место в мире по ВВП!» Про страну, «в два раза опережавшую Германию».

* * *

Арин не однозначно хвалит советское прошлое. В историческом провале империи обвиняются не только нехорошие Горбачев, Ельцин, Черномырдин, Чубайс и пр., но и субъективно-советский фактор. Таковым видится автору (мнение, впрочем, разделялось любым алкашом у пивных киосков!) безумная растрата ресурсов на всемирную политику Кремля.

Однако диктовалась она не глупым капризом генсеков, а коренилась «поистине в духе русских: сам в дерьме, но думай обо всем человечестве» (стр. 226). (Другой вариант: «Это только русских волнует, а как там у них, в... Эфиопии? Помочь не надо». Стр. 79). С одобрением Арин цитирует рекомендацию проф. Хатчисона американцам: «Не расплывать ресурсы на периферийные интересы, чтоб не потерять ядро, как произошло в свое время с Британией и Германией» - и Арин добавляет от себя: «Особенно с Советским Союзом». С другой стороны, что делать, если увлечение мировыми проблемами лежит, так сказать, в фундаменте русской традиции! «Русский, воспитанный на идеях исторической закономерности и веры в «Р-ро-сси-ию», полагает, что, в конечном счете, история предопределила России великую миссию и поэтому... россияне... спасут весь мир своей духовностью или еще чем-то. И что в этой великой исторической миссии на стороне России даже законы физики» (стр. 257-258). Он резко издевается над сегодняшними амбициями, унаследованными от советского прошлого: «Как может страна дать пример «новых идей межцивилизационных отношений в постиндустриальном, информационном обществе», если она скатилась в доиндустриальную эпоху, Интернетом

пользуется горстка людей (если считать относительно всего населения), а большая часть граждан не имеет даже компьютера. О каком углублении культурного сотрудничества с проживающими в других странах соотечественниками можно говорить, если государство не может профинансировать культуру в собственной стране, не говоря уже о том, что оно не может договориться с народами, проживающими на территории самой России, например, с чеченцами» (стр. 246). И напоминает землякам, что «стратегическое лидерство – дорогое удовольствие» (стр. 85), вон и в Америке раздаются призывы: «Не надо истощать себя грандиозными планами, а надо ко всем проблемам подходить реалистично... Давайте... не вести дело к тому, чтобы «безопасность стала самым дешевым смертельным врагом» (стр. 86).

Главный упрек автора, обращенный к эпохальным событиям России - перестройке, капитализму, демократизации - сводится к тому, что «великая держава превратилась в третьеразрядную страну» (стр. 145). Говоря его словами, «великой державы не получится и через десятилетия, а на «невеликую» русские не согласны!» (стр. 209). И потому следует удивительный (для меня, во всяком случае) вывод, которым книга кончается: «Надо вытащить Россию из стратегического капкана. При нынешней, капиталистической системе это невозможно. Но это возможно при социалистической системе. А возможна ли она, эта социалистическая система? *Пока не знаю* (курсив мой – М. Х.). Но знаю одно, что без продвижения России по социалистическому пути она не только не восстановит свое былое величие, но превратится в одну из 200 стран, прописанных в ООН. Устраивает ли это русский народ? Если да, тогда Бог в помощь. Меня не устраивает» (стр. 460).

Немного воспоминаний про Маркса с Лениным...

Вдумайтесь в трагический подтекст, прозвучавший в тексте О. Арина.

Он предлагает народу России заново сменить выбор – отказаться от буржуазно-рыночной модели и взяться опять за социализм («русский коммунизм», как он выразился в другом месте). Хотя честно признается: не знает, осуществим ли сей проект - социализм – вообще, в принципе.

Вокруг этого проекта, по-моему, крутится искомый ответ на поставленный в начале статьи «русский вопрос».

Почему рассуждения Арина кажутся мне принципиально столь важными? Потому что в них отразилось мировидение значительной части российского народа. Вот данные опросов Фонда «Общественное мнение» («Известия», 14.11.03): 48 процентов опрошенных россиян хотели бы видеть свою страну могучей и мощной мировой державой. «Все бы ничего, - замечает автор «Известий», - но чтобы нас считали богатой и процветающей, желают вдвое меньше – 22%»! Свобода слова важна для 19% опрошенных, право избирать и быть избранными всего для 10%. И одновременно – 82 % опрошенных полагают, что никоим образом не влияют на решения правительства своей страны, 78% - даже на местные органы власти, и самое страшное – ровно половина опрошенных до сих пор опасается - в демократической в роде бы стране, неправда ли? - незаконного ареста.

Как видите, «социалистический менталитет» живет и побеждает!

...Арин мельком признался в уважении к «научному подходу» Маркса с Лениным, высмеяв любительские тыки, присущие их преемникам в политике. Мне тоже думается, что в марксистско-ленинских клише были логично выражены глубинные убеждения многих его нынешних земляков! Вот почему интересно разобраться в подобном мировидении с азов.

Капитализм и либерализм как общественные системы зародились во второй половине XVIII века. Десятилетиями оставались по-любительски, поверхностно проработанными - теоретически и философски. К середине XIX века европейское сообщество ощущало их ограниченность и легковесность. Среди мыслителей, подвергших капитализм и либерализм научному переосмыслению и переоценке, лидирующая роль принадлежала Карлу Марксу. Он оказал гигантское, непрекращающееся до сих пор влияние не только на коллег-экономистов, но и на всех прочих гуманитариев Европы - историков, философов, социологов и пр.

Основной вклад классика в экономическую теорию был таков: едва ли не первым Маркс обозначил «волчьи ямы» и смертельно опасные ухабы, сопровождавшие кругооборот капитала в мире. Вместо рискованной для инвесторов и безжалостной, часто бесчеловечной для наемных работников системы (капитализма) философ предложил выстроить принципиально иную - гармоничную и гуманную модель общества. Социализм.

Маркс упростил реальные противоречия капитализма (иногда шутят, мол, для обычного человека «понять – значит простить», а для ученого мужа «понять – значит упростить»!). Все конфликты в современном обществе он свел лишь к столкновению капитала и труда, т. е. буржуазии и пролетариев. В истории главное противоречие виделось в единственном конфликте - производительных сил (т. е. достигнутых обществом материальных сил в экономике) с уже сложившимися производственными отношениями. Развиваясь, производительные силы сметают старые структуры и стихийно порождают новые нормы общества, лучше соответствующие сложившимся экономическим возможностям.

Капитализм, как предположил великий теоретик, *должен* в ходе революции смениться экономической и политической властью возникающих производительных общин (коммун. Отсюда - коммунизм). Другие формы организации - нации, государства, семьи и пр., уничтожаются за ненадобностью. В процессе естественного отмирания.

К XX веку выяснилось, однако, что противоречия труда и капитала не носят непримиримого, как виделось Марксу, характера. Рабочий класс смог добиваться удовлетворения конкретных нужд, используя социальные методы, дозволенные действующим законодательством (забастовки, политические реформы, социальные нормативы и пр.). Европейский пролетариат в ходе длительного процесса утратил стремление к коренному, революционному преобразованию общества! Победило стремление реформировать капитализм, ввести его в «рамки» общественным контролем, глубже осмыслить и укротить

корыстные и часто самоубийственных воли и намерения собственников. И новый классик Учения, Ленин, вынужден был лишиться промышленных рабочих права считаться единственными творцами новой истории. По Ленину, интеллигенция (революционная!) должна «вкладывать» в сознание пролетариев «истинное», т. е. положенную рабочему классу по теории Маркса революционно-социалистическую идеологию.

Инициировав «пролетарскую революцию» в России, Ленин ожидал, что далее события двинутся по законам, открытым Учителем: освобожденные от буржуазных оков, производительные силы начнут стихийно – через рабочие коллективы - порождать социалистические производственные отношения. Вспоминает Троцкий: «В своих «Тезисах о мире», написанных в начале 1918 г., Ленин утверждает, что для полного триумфа социализма в России потребуется некоторое время, по меньшей мере, несколько месяцев». Эти слова даже теперь (1924 г.), - продолжал соратник вождя, - представляются совершенно нереальными... Возможно, это просто описка, проба пера, возможно, он имел в виду несколько лет или даже десятилетий... Увы, нет. Я совершенно ясно помню, что в тот начальный период в Смольном, на заседании Совета Народных комиссаров Ленин упорно настаивал, что мы должны установить социализм за полгода и стать сильнейшей державой».

Русская реальность, однако, отказалась подчиняться теоретическим выкладкам германского мыслителя! Заводы и фабрики, переданные рабочим коллективам («под рабочий контроль»), действовали худо. Устанавливать производственные и финансовые связи, кооперировать производство, внедрять новые технологии рабочие не умели. Сказалось *чрезмерное упрощение* Марксом в его теории стоимости. Все и вся сводилось мыслителем к количеству вложенного в «продукт-товар» рабочего времени, и в такой позиции рабочие, конечно, могли заменять владельца, менеджера, инженера... Но, увы, принцип единообразной оценки стоимости труда не работал в реальном пространстве жизни! И Ленин (с коллегами) вынужден был заменить желанный социализм на привычную практическую систему – государственный капитализм (т. е. на государственную, а не общественную собственность).

Она как раз существовала в Европе давным-давно. Сильнее всего впечатлила большевиков эффективность германской оборонно-правительственной системы хозяйства, возникшей в 1915 г. (под руководством В. Ратенау, одного из хозяев «Всеобщей компании электричества»).

...Итак, незаметно подменили марксов социализм госкапитализмом, т. е. управлением экономикой через назначаемых правительством директоров и менеджеров, а позже ликвидировали задуманную в ходе революции (в параллель к социализму) оригинальную государственную систему – власть Советов, т. е. представителей фабрично-заводских и общинных коллективов. Реальная власть отошла к комитетам партии, т. е. революционно-интеллигентскому авангарду.

Чтобы замаскировать от населения (и самих себя!) провал вдохновившей революцию социалистической гипотезы, людям начали внушать простую, «как мычание», якобы ново-марксову схему «мировых противоречий».

Эксплуататором и паразитом считался отныне не только класс капиталистов, наживавшихся на ограблении наемных рабочих (хороши ограбленные, которые часто жили богаче и благополучнее чиновников СССР!). Новыми эксплуататорами теперь считались «развитые страны» скопом (их назовут «золотым миллиардом» - видимо, миллиардом эксплуататоров!?). Большевики объявили, что пролетарии в Европе подкуплены прибылями от эксплуатации народов угнетенных колоний и зависимых стран... Поначалу, правда, шли разговоры о грабеже индустриалами сельскохозяйственных, «сырьевых придатков» (слыхал я нечто подобное в молодости). Но в эпоху Арина - видимо, по мере того, как в странах-«придатках» развивалась собственная индустрия - россияне узнавали, что индустрия-то и есть главная бяка, которая в Третьем мире работает на европейцев-эксплуататоров. Арин пишет: «Рыночная экономика на территории России в западном смысле никогда не работала и работать не будет. Чтобы создать «постиндустриальную экономику», надо научиться грабить «индустриальные экономики» точно так же, как это делают, и весьма искусно, страны «золотого миллиарда» (стр. 210).

...В. И. Ленин мог, пожалуй, в подобную схему эксплуатации верить искренно. Норма прибыли от зарубежных, империалистических вкладов, действительно, в его эпоху в разы (!) превышала прибыли от национальных инвестиций... Инвесторы безумно гнались за сумасшедшими колониальными доходами. Но в наше-то время стоит учесть некие факты, доступные хотя бы в популярной литературе.

Например, до конца Второй мировой войны индустриальные страны практически не зависели от поставок сырья из колоний. Европейские импортеры занимались «колониальными товарами» (кофе, чай, какао, сахар, шелк, хлопок, пряности, меха, слоновая кость), добычей драгоценностей (золото, алмазы, жемчуг и пр.), а торговля обычным индустриальным сырьем велась преимущественно между промышленными странами Европы и Америки (издержки на транспортировку оказывались слишком большими, чтоб везти руду или иное сырье из колоний к месту переработок в Европе). После Второй

мировой войны (когда колонии освободились от политической власти метрополий) скорее уж Третий мир жизненно зависел от доступа к продажам сырья в Европу, а не наоборот! Хлопок можно было заменить льном или синтетикой, каучук – синтетической резиной, нефть – альтернативными источниками энергии... (Что касалось второго изобретения большевиков – роли «угнетенных народов» как жизненно важного рынка *сбыта* европейских товаров, то за период 1917-1937 гг. в страны нынешнего «Третьего мира» ушло не больше 5% валового национального продукта метрополий. Возможно, если бы этот рынок исчез, никто, кроме Великобритании, вообще ничего не заметил).

Как ни парадоксально прозвучит для моих нынешних читателей, но в реальной истории, а не в придуманной романтически-одуревшими головами империалистов владычество над Третьим миром мешало развитию промышленных стран Запада! Вот примеры. Самыми успешно развивавшимися странами в XIX-первой половине XX века считались США, Германия и Япония, т. е. страны, обладавшие самым минимумом колоний. (Полностью лишившись всех колоний после войны, Германия и Япония быстро превзошли свою былую

экономическую мощь!). Развивавшаяся в XIX веке Бельгия после захвата Конго утратила передовые позиции в хозяйстве Европы. Нидерланды же, напротив, после потери Индонезии в XX веке экономически взлетели... Почему столь нелогичный процесс происходит в жизненной практике – вопрос иной, для которого нет места в этой и без того разросшейся статье, но хочу напомнить землякам: мы, в Израиле, тоже наблюдали подобное явление. Потеряв в 90-е гг., после соглашений в Осло, подавляющую часть дешевых рабочих рук, приходивших в Израиль с палестинских территорий, страна начала стремительно наращивать, а не терять темпы своего экономического развития!

Большевики провозгласили еще один, популярный донныне в России тезис - о закабалении супермонополиями зависимых от них правителей. На практике в XX веке скорее уж монополии зависели от властей (местное правительство может национализировать предприятие, в которое вложены иностранные капиталы, обложить его чрезмерным налогом, придирается с лицензиями, с патентами... Отношения властей и супермонополий *взаимозависимы*, и кто сильнее – вопрос, всегда решаемый конкретно. Вспомните национализацию нефтяных монополий в Иране, в Ираке, медной монополии в Чили и пр.).

Не будем, однако, «растекаться мыслию по мировому дереву» и припомним лучше конкретный российский пример.

Великий царский министр Витте искусно *организовал* поток в страну европейских инвестиций, что обеспечило быстрое развитие экономики России. Витте играл на противоречиях континентальных держав, выбивая – часто политическим шантажом – кредиты для России из потенциальных союзников... То, что видится Арину пороком, считалось в те времена огромным достижением имперской политики! Не все ли равно, например, наемному работнику, на кого трудиться – на западного владельца или на своего, домашнего, не все ли равно казне, с кого получать налоги – с западного владельца или «родного».. Был бы капитал, были бы рабочие места и новая продукция... Оказалось, однако, что психологически – не все равно! Запугивание иностранным влиянием, «компрадорской буржуазией», явилось любимым политическим оружием демагогов XX века. (Напомню, кстати, что в развитых странах Европы и Америки, напротив, важнейшей общественной задачей считается создание благоприятного климата для получения иностранных капиталовложений.)

После революции 1917 г. большевики быстро осознали, что одного пролетарского «труда» для производства недостаточно. Необходим ещё *капитал* - инвестиции в оборудование, в технологию, в кадры. Отказавшись в 1917 г. платить иностранные долги России, Ленин и Ко «перекрыли себе кислород» на мировых кредитных рынках и – возникла чудовищная хозяйственная ситуация!

... «Если страна не поднимется без иностранных инвестиций, то грош цена такой стране, - уверяет О. Арин.- Ей и не надо подниматься!» (стр. 236). Ой ли! Западная Европа поднялась, благодаря американским инвестициям (по плану Маршалла), – никого это не унижало. Разве что гордых советских политиков, заклинавших со стороны (сам помню!): «Ленин сказал: «На каждом их долларе ком грязи, на каждом их долларе – следы крови». Конечно, теоретически

возродить экономику вполне можно без иностранных инвестиций, тут Арин прав. Так поступила некогда Великобритания – добывая нужный капитал через ограбление своего крестьянства («огораживание»)… Похожим способом через века пользовалась и Советская Россия. Во что ей выбор обошелся? Страна шла на мировой рынок за технологиями, выплачивая за них наличными деньгами! «В первоначальные годы советской власти, - с достоинством констатирует Арин, - российская экономика была слабее всех своих врагов, но умудрилась не превратиться, как тогда говорили, в объект эксплуатации «мирового капитала» (стр. 210). Красиво звучит! Только ведь это чистая демагогия, как многое другое… Эксплуатировали СССР западные капиталовладельцы с таким эффектом, что царям не снилось. В роли приказчиков-исполнителей, безжалостных и упорных, выступали для западных продавцов технологий и оборудования «социалистические» владыки России-СССР. Они вывезли на продажу накопленные веками церковные драгоценности, ограбили сбережения своих банков, частные активы граждан (яйца Фаберже, те самые, которые нынче выкупают в Россию, продавались за 2-3 процента от возможной цены! А картины Эрмитажа?). Главное, однако, что *всю* гражданскую экономику страны поставили на службу добывания валюты, дабы ею платить иностранным экспортерам… То, что до революции приобреталось в кредит, под умеренные проценты (к слову – суммы и долгов, и процентов как правило не вывозились на Запад, а на месте вкладывались снова в российские бизнесы), за все теперь платили мировому капиталу «наличкой». Большевики ограбили – тут термин пригоден! - собственное крестьянство, и насильно отобранный у него хлеб продавали на Запад. Сотни тысяч «кулаков и подкулачников», что оказались на спецпоселениях и в трудовых лагерях, валили лес – его тоже продавали на Запад… Индустриализацию СССР произвели не в кредит, как делали при Витте и Коковцеве, – а по английской методе: за счет ограбления своего народа! Арину сие кажется предпочтительным методом? Что ж, он - человек русский, ему, а не мне, еврею, судить, что для его народа считается лучшим…

* * *

Почему другие самодержавные правители Европы некогда отказались от соблазнительной и хорошо знакомой им возможности – держать экономику в своей власти и через нее управлять страной? Почему, например, даже в XX веке Германия отказалась от уже введенной во время войны системы всеобщего контроля правительства над хозяйством? И ввела подобный контроль, лишь приняв при Гитлере 4-хлетний план подготовки в новой мировой войне?

Госкапитализм эффективен в той сфере, для которой его придумали и используют - для чрезвычайного положения. Для военной экономики! Едва гражданская война кончилась, Ленин ввел НЭП, ибо военный коммунизм (госкапитализм) более чем дурно работал в условиях мира. Ни в каком мирном проекте госкапитализм не мог быть соперником частной экономики. Советское хозяйство потому-то в военном направлении развивалось при всех лидерах – при Сталине и Черненко, при Хрущеве и Андропове – ибо так ему положено природой самой системы. «Все для фронта, все для победы!». Арин признает: «В СССР затраты на международную деятельность фактически разорили страну… Многие эксперты утверждают, что на «войну» работало если не 2/3, то половина экономики… В результате крах по всем фронтам» (стр. 428). Несмотря

на достижения советских умов, госкапитализм остался импотентом в мирное время (вот лишь один, частный пример. Впервые идея персонального компьютера явила себя миру в СССР и успела понравиться Хрущеву. Но после отставки вождя проект похоронили... Похожая история произошла и в Штатах. Там первый персональный компьютер тоже создали «в плановом порядке» - в крупной корпорации, авторов премировали и... положили модель в архив. Казалось бы, полная аналогия систем! Но! Продолжение истории таково: через малое время «писюшку» переизобрел «частным образом» любитель (с украинской фамилией - Возняк), открыл с деловым компаньоном малую фирму (в своём гараже!), и - мир вступил в информационную эру. А СССР, как всегда, остался с большим-большим носом!)

...Я не знаю, на что способна система истинного социализма, задуманного Марксом и Энгельсом. Возможно, она эффективна (я так не думаю – но это тема иной статьи). Арина, например, вдохновлен нынешними успехами Китая... Но ведь советские былые успехи никак не менее вдохновляли зарубежных современников, а чем завершились? Общим пуком! Что Арин может знать реально о китайской системе, если его информаторы отделены от этого народа цензурными ограничениями, либо стеной расовых, языковых, цивилизационных преград. В конце концов, Арин, наверно, не умнее Генриха Манна, уверявшего своих современников, что «Сталин ставит дух выше силы», или американского литератора, что писал: «В Советском Союзе я себя чувствовал, как в святыне морали», или британского биолога, который трепетно рассказывал землякам, что вождь СССР т. Сталин ходит по ночам на товарные склады, чтобы помогать грузчикам... У китайской системы выбор её пути впереди. И уж в любом случае истинная социалистическая система потребует для своего воплощения необходимое условие, то, что было сформулировано её классиками: отмирания государств! И наций. И семей... Попытка вырезать из связной и логически обоснованной конструкции классиков XIX века некие постулаты теории, те, что не по нраву нынешним практикам, и при этом надеяться на путный результат – комична (либо, как вышло в истории, трагична!).

* * *

Другая аксиома марксизма, которой думается, скорее инстинктивно верен Арин, а с ним многие люди из российской публики – решающая роль базиса (хозяйственной структуры) и вторичная, зависимая от базиса роль надстройки, т. е тех областей культуры, что связаны с сознанием общества.

Маркс едва ли не первым обратил внимание учёных на экономический аспект, на важнейшее влияние хозяйственных процессов на ход мировой истории. Тем не менее, в XX веке стало ясно, что историю формируют все-таки преимущественно не экономические, а, прежде всего, идеологические приоритеты народов. Массы нередко действуют вопреки очевидным материальным нуждам, подчиняя поступки ценностям и идеям, что были выработаны народами в ходе их исторического развития – религиозного, идеологического, цивилизационного.

И мировое влияние держав, к слову, тоже не зависит напрямую от хозяйственного потенциала. Это Арин сам отлично знает: «Например, в свое

время Япония после реформ Мэйдзи провозгласила принцип: «сильная армия, богатая нация», - пишет он. - Однако после Второй мировой войны та же Япония... в любом случае не является ведущим актором мировой политики, хотя и пытается добиться этого статуса... В то же время и, может быть, благодаря этому, она умудрилась увеличить благосостояние своего народа до уровня самых богатых стран мира. Еще пример: Голландия и Швеция также не являются ведущими акторами мировой политики, а с благосостоянием у них тоже более чем нормально. Т. е. связь державной мощи и благосостояния народа не универсальна, хотя, повторяю, для России, возможно, неизбежна» (стр. 219). Но поскольку автор продолжает мечтать о России, которая «станет «центром притяжения» народов Европы, Азии и даже Америки, ей предлагается достичь, чтоб «они тянулись к нам не как к объекту грабежа наших природных и экономических ресурсов, а как к равноправному субъекту экономического взаимодействия. Может быть, только тогда Россия сможет построить мост между Востоком и Западом, Восточной Азией и Европой, о котором мечтают несправимые оптимисты, верующие в будущее России» (стр. 256).

Что любопытно: политолог Арин, размышляя об экономике России, об экономическом притяжении стран, совершенно не принимает во внимание, как *конкретно* относятся к притязаниям России ее ближайшие соседи - украинцы, прибалты, жители Закавказья... Зачем думать о таких мелочах, зачем оценивать духовные предпочтения других, «малых» народов? С параноидальным упорством нащупывает наш автор будущий «центр силы», способный поддерживать Россию в неизбежном конфликте с первой сверхдержавой планеты - США. Может ли, скажем, антиамериканской опорой, «центром новой силы», стать для России объединенная Европа? – размышляет он. Но «сколько ни складывай макропоказатели европейских стран... у Европы... нет единого, как сказали бы немцы *Weltanschauung*, т. е. мировидения, а, значит, Европа никакой не полюс и не центр... без тех самых *Sehnsucht und Streben* (устремлений) к мировому господству, что весьма ярко выражены у «болезненных» США» (стр. 212). (Вот видите, нет подобных стремлений у богатой Европы! А вот у отсталой России – отбавляй...)

Сильное впечатление произвел на меня следующий пример из книги Арина. Теоретики разработали в Москве великую идею «антизападного блока» (Россия-Китай-Индия). По сему случаю собрали круглый стол. Гость из Индии заявил: «Я внимательно выслушал выступавших и должен признаться, что они производят тяжелое впечатление. Мне кажется, что господствующим мотивом в них является своего рода шизофрения» (*sic!* – М. Х.). Индиец пояснил коллегам: у его страны нет стремления к «атрибутам мощи и власти. И бороться за создание такого блока – все равно, что хлопать крыльями в пустоте» (стр. 284). Все прочие народы, по-моему, воспринимают русскую идею мировой гегемонии, как приступ национальной «шизофрении» («на животе шелк, а в пузе щелк», говорит пословица), но это, оговорим, только в том случае, если они Россию не боятся. А вот если боятся, то - как угрозу именно своим, а вовсе не американским интересам...

Почему? Да потому что сильная держава, действительно, имеет право мечтать об установлении порядка, благотельного для человечества, а не для нее самой. Такой была, например, Британская империя с ее «бременем белого человека» -

цивилизацией, несомой диким народам; такой была Япония с ее мечтой об освобождении Азии от европейского ига. Такой была Германия с ее ужасным нацистским проектом всемирного расового общества – но такой она была! И царская Россия, наследница Византии, сохранявшая, как ей виделось, устой христианства от восточных варваров, – на то же претендовала... Таким был, соглашусь, Советский Союз с его комплексом коммунистических идей – для блага человечества, неправда ли? Но что предложит миру Россия, кроме «дадим в морду Америке»? Не в плане материальном предложит, а какую идею, в каком направлении? Ничего, кроме «великодержавия», которое, естественно, кажется её соседям куда опаснее американского великодержавия.

Арин не безумец, как мог бы думать про него индиец, напротив, он, видимо, выражает глубинное желание собственного народа... И потому приходит к фантастическому выводу – будто реставрация социализма способна вернуть России мировую роль: «В социальном плане «место» государства отражает формационную суть общества... Оно определяется через категории «капитализм» и «социализм», борьба между которыми не только не закончилась, а, судя по всему, еще только начинается» (стр. 402). Но, хотя борьба «только началась», автор не в силах удержаться, чтоб не подмазать белилами прошлое Советского Союза. Видимо, думает, что в мире все и всё подзабыли, как подзабыли в самой России! «Защита общества посредством государства, - пишет он. - Такое возможно только при реальном социализме, когда государство и общество находятся в естественной гармонии, а на какой-то стадии они просто сливаются» (стр. 198). О, конечно, я сам помню реальный социализм! Его установили в СССР примерно в 1937 году, если не подводит память? Примерно тогда государство слилось с обществом? С 1944 г. по 1953-й шли гражданские войны на Украине и в Прибалтике - тоже, видимо, образчики слияния государства и общества? Потом... Да даже в самые спокойные для «государства-общества» годы Андропов создал особое, 5-е управление КГБ, чтобы гасить конфликты государства и общества!

Другой удивительный пассаж автора: «Все войны, которые вел Советский Союз, были навязаны ему капиталистическими государствами» (стр. 365). Да, конечно, агрессор Иран в 1919 году напал на 11 Красную армию, агрессивная Финляндия в конце 30-х (в глейвицком, видимо, варианте, ибо, как и Польша, «вероломно обстреляла» чужие границы), агрессивная Венгрия в 50-х, агрессивная Чехословакия в 60-х, а потом... Потом последовала памятная атака агрессивного Афганистана.

Что любопытно? Ведь Арин сам помнит о чудовищном отравлении природы (не при нынешнем же правительстве оно произошло, неправда ли), о воспитании жуткого поколения государственных деятелей («дело в рабской психологии бюрократов России, особенно высшего звена (просто противно смотреть на их подобострастные физиономии и полусогнутые фигуры при встречах с президентом). Рабами были, рабами и остались» (стр. 442). Ну, понятно, что «остались»... А когда же «были»-то, а?

И этот «социалистический товар» он надеется продать миру?

Вдруг отгадка – здесь?

Почему казалось столь важным понять логику автора, понять повороты его мысли, сбивающие иногда с панталыку?

Потому что Арин – действительно знающий и действительно бескорыстный исследователь своего народа. Потому что не мог он в многостраничном исследовании не проговориться – хотя бы и случайно, но не приоткрыть глубинный ответ на «русскую загадку».

Мне видится, будто я нашел ответ на мои вопросы в таком тексте Арина.

«Нынешний капиталистический путь, даже в случае его успеха, объективно ведет Россию к распаду или, по крайней мере, к экономической автономизации той же Сибири и Дальнего Востока, не говоря уж обо все большем удалении бывших союзных республик от России, - пишет он.- И этот процесс стимулируется именно капиталистическим вариантом развития, поскольку капитализм предполагает высокую степень автономии экономических субъектов не только на уровне фирм и или компаний, но и на уровне регионов, развивающихся не по указке из Центра, а по логике соответствия рыночным отношениям. В этом смысле «крепить СНГ» представляется той же глупостью, как удерживать в России ту же Чечню или другие регионы, нацеленные на выход из России. Закон рынка будет диктовать регионам укрепление отношений с теми, кто больше даст. А что может дать им нищая Россия?... Если же мы вновь вернемся к социалистическому варианту развития (естественно, в его модифицированной форме, близкой к китайскому варианту), тогда... жесткая социалистическая надстройка в сочетании с мягким базисом (смешанная экономика) сможет удержать страну от распада» (стр. 255)

Вот главное слово и сказано! Распад...

Арин приоткрывает заодно тайну успеха первого, ленинского большевизма. «Нет бессмысленных революций, - утверждает он. - Они есть скачок в развитии общества. Нация жертвует своей частью, чтоб сохранить целое, т. е. всю нацию, особенно тогда, когда в силу тех или иных причин они возглавлялись подонками или исторически обанкротившимися личностями. В таких случаях, как писал Локк, нация обязана «воззвать к небесам» (appeal to Heavens), т. е. совершить революцию» (стр. 272). Сокрушая традиционное русское государство, Ленин предложил нации альтернативу – в условиях возможного распада державы. Показал народу, что может не только спасти Россию от гибели, но заставить мир считаться с ней – по самой высокой мерке. Победа большевизма, возможно, спасла страну от судьбы, сходной с Австро-Венгерской или Османской (тоже были великие державы и тоже веками влияли на структуру мира, а что от них осталось – в отличие от России Ленина?) Я предполагаю, что России угрожала даже худшая судьба, судьба Китайской империи, великой державы Востока, которая в ходе революции распалась на регионы, управляемые диктаторами–милитаристами.

Ленин спас державу – и массы россиян шли за ним, почитали его, даже те, кому был отвратителен или неприятен его рецепт спасения человечества.

...Если вдуматься, то опасения, страхи, надежды О. Арина не беспочвенны, не безумны!.. Капитализм реально грозил похожими историческими бедами всем державам. В США свобода частного предпринимательства (в частности, рабовладельческого) обернулась гражданской войной 1861-65 гг., кровопролитнейшей мировой бойней со времен монгольских злодеяний! Великобританию даже после распада империи раздирают на части в Шотландии, Северной Ирландии (кажется, даже в Уэльсе?) Русские интуитивно чувствуют угрозу их державе, исходящую от частного бизнеса, от частной воли. Капитализм содержит такую социальную потенцию: частный интерес может не только гармонизировать, но и противоречить коллективному, в том числе национальному бытию, может угрожать в определенных ситуациях национальному существованию. (Не отсюда ли проистекает удивительная неприязнь россиян к олигархам – не просто слепая злая зависть бедных к богатым, как видится на первый взгляд, но и страх, что могущественные люди, чьи доходы зависят от зарубежных партнеров, в случае, если возникнет конфликт интересов, пренебрегут выгодами своей страны...)

Преданность своей стране вызывает - нередко – безумный, лишаящий разума страх в душах людей, иногда параноидальный, иногда и слепую, несправедливую ярость против всех, кто с ними не согласен. Уж это-то как раз израильтяне знают! Особенно русские израильтяне – сколько я видел здесь отличных граждан, которые примериваются, что им делать, куда бежать, если страна будет уничтожена... Но нам, «старым» израильтянам, виделось, что такие параноидальные страхи и комплексы давят на психику лишь нашей малой нации, окруженной неисчислимым океаном врагов. А вдруг то же самое чувство довлеет и над психикой огромного российского народа?

Вот вычисленный ответ на «русскую загадку»: комплекс страхов и паники, проистекающий из инстинктивной боязни утратить свою страну.

Так или не так? «Куда несешься ты, Русь? Дай ответ. Не дает ответа»...

Опубликовано: Михаил Хейфиц. Еще одна – возможно, бессмысленная – попытка понять Россию умом. – "Вести" (Израиль), 18 марта и 1 апреля 2004 г.